

КАЙЛА ОЛСОН

Kayla Olson

THE
SANDCASTLE
EMPIRE

КАЙЛА ОЛСОН

ИМПЕРИЯ
ИЗ
ПЕСКА

Москва
2018

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
О-55

Kayla Olson
THE SANDCASTLE EMPIRE
Copyright © 2017 by Kayla Olson
Photo Credit to Andrew Olson

Разработка серии А. Саукова

Иллюстрация на обложке В. Коробейникова

Олсон, Кайла.

О-55 Империя из песка / Кайла Олсон ; [пер. с англ. К. Гусаковой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 416 с.

ISBN 978-5-04-095771-2

У Иден была легкая жизнь — любящие родители, уютный дом, верные друзья. Война и Революция все изменили.

В 2049 году океан поглотил Нью-Йорк и Сан-Франциско, а власть в США захватила милитаристская группировка — Волки.

Иден выжила, но потеряла семью и друзей. Отец передал ей координаты тропического острова, названного Убежищем, единственного в мире места, где нет Волков. Она отчаянно стремится к его берегам.

После побега из концлагеря на побережье Техаса, Иден плывет на остров и встречается с Избавителями, борцами Сопротивления. Джунгли Убежища наполнены смертоносными ловушками и скрывают врага, от которого не скрыться.

Не окажется ли райский остров настоящим кошмаром, страшнее мира после глобальной катастрофы?

УДК 821.111-312.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-095771-2

© К. Гусакова, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Всем, кто унаследует Землю — особенно Джеймсу, —
и Эндрю, без которого не появилась бы эта книга.*

Э́то утро из тех, по которым я точно не буду скучать.

Не буду скучать и по песку, морю, соленому воздуху. По старым, разбитым доскам настила, вгоняющим под кожу занозы. По солнцу, яркому и слепящему, под лучами которого я наблюдаю и жду. Не буду скучать по тишине.

Нет, я совершенно не буду скучать по утрам, подобным этому.

День за днем я, пока еще темно, тайком спускаюсь к настилу. Мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы создать впечатление, будто я — всего лишь девчонка, которой нравится любоваться рассветами, которая никогда не станет сопротивляться. Впрочем, хотя бы одно из этих утверждений правдиво. Волки, охраняющие берег, теперь даже не смотрят в мою сторону — и сие редкое равнодушие я заработала упорством и терпением. Целых два года упорства и терпения — утро за утром — с тех самых пор, как они отняли все, что мы любили, и бросили нас в лагерь. Я сижу там, где меня видит охрана — где я вижу *их*, где я вижу все. Я наблюдаю за водой, за прибором — и не только. Я ищу лазейки.

До сих пор я не нашла ни одной. Охрана работает четко, слаженно — поэтому-то я еще не попыталась сбежать. Впрочем, я своего добьюсь. Я — птица, что взлетит, даже несмотря на подрезанные крылья и разбитые ноги. Этот остров-тюрьма не сможет удерживать меня вечно.

Однажды, когда война закончится, я снова поем мороженого. Пробежусь босиком по пляжу, без страха наступить на мину. Отправляюсь в книжный магазин, или в кофейню, или любое из сотен мест, где сейчас обосновались Волки, и буду сидеть там часами — просто потому, что смогу. Я сделаю все это и даже больше. Если выживу.

Я готова сбежать в любой момент. Мое прошлое всегда при мне — за спиной, на шее, глубоко в карманах. Потрепанная желтая книжечка. Массивное кольцо на широкой цепочке. Пузырек с кровью и зубами. Мое преимущество — свободные руки, ведь мне не за что и не за кого цепляться, впиваясь ногтями. Ничто не помешает мне отвоевать у врагов наш погрязший в войне мир. Если, конечно, все пойдет по плану.

Другие, может, и не замечают, но ситуация уже меняется. Я вижу повсюду едва уловимые знаки — и хорошие, и плохие. Раньше береговой пункт охраняли двое, а теперь — четверо. Прежде патрульные расслабленно вышагивали по определенным участкам песчаного пляжа, а сейчас они осторожно передвигаются гуськом — если вообще покидают постройку. Еще на прошлой неделе возле берега болтался кроваво-красный катер, а нынче его заменили на простецкую зеленую парусную лодку — чтобы те, кто рискует сбежать, не рассчитывали на успех. Как будто

кто-то из нас сумеет зайти настолько далеко и не подорваться на mine.

И незаметные изменения в заведенном порядке только подтверждают, что слухи — не ложь.

Говорят, на прошлой неделе кто-то сбежал. И вроде бы кто-то другой намеревается сделать то же самое — сегодня, завтра, через неделю, через месяц. Слышала я про все это. Но слухи ходят не про меня — иначе мне бы не позволили сидеть и наблюдать. А план сработал именно так, как я и надеялась: то, что я постоянно находилась настолько близко к пляжу, создавало впечатление, что я не замышляю ничего необычного. А вот изменить привычный уклад — как раз подозрительно.

Я жду, когда охрана, наконец, перестанет обращать на меня внимание, как иногда случается — например, если им надо заглянуть в свой ветхий наблюдательный пункт за добавкой кофе. Мой расслабленный вид заставляет их утратить бдительность, дарит им чрезмерную уверенность, что я не сдвинусь с места.

Патрульные не сводят глаз с морской дамбы, где появляются люди, внезапно заинтересовавшиеся рассветом.

Почти два года я просидела здесь в одиночестве. Сейчас — как вчера и позавчера — все иначе. Кто знает, замышляют ли заключенные побег или надеются хоть мельком углядеть чью-то попытку удрать? Несомненно одно — отсюда, как я убедилась еще в первую неделю пребывания в лагере, можно делать и то, и другое. А если покинуть остров с любой другой стороны, кроме этой, уткнешься в материковую часть Техаса. Уж лучше открытый океан.

От новичков, выглядывающих из-за дамбы, есть и польза, и вред. Рвануть вперед в любой момент может

кто угодно. Волки, разумеется, удвоят охрану и осыплют лагерь градом из пуль и гранат. Меня, правда, тут уже не будет.

Я должна добраться до лодки сегодня утром... Другого шанса у меня нет.

Я должна стать первой.

Наступает рассвет — сотней тысяч оттенков, настолько ярких, что небо словно не способно их удерживать.

Двое патрульных скрываются в наблюдательном пункте, а третий и четвертый смотрят в сторону — вот оно, да! — но вдруг все приходит в движение. Сначала чайка крылатым знаменем устремляется к океану, будто желая улететь далеко-далеко. Патрульный переглядывается со своим напарником. А я слышу топот — но не с пляжа, а из-за дамбы у меня за спиной: он перекрывает гул, который царит в бараках, в столовой и на шелковой фабрике.

Остров сотрясает мощный взрыв. За ним — еще два, затем пять. Шквал выстрелов — их столько, что я сбиваюсь со счета, — крики, хаос. Шум нарастает с каждой секундой и буквально подкатывает к берегу.

Замираю. В теле напряжен каждый мускул. Я опоздала — на долю секунды. Должно быть, кто-то начал прорыв, но с другой части острова.

Похоже, стать первой жаждала не только я.

Офицеры, все четверо, бегут по песку плотными зигзагами, стараясь не наступить на мины. На меня они даже не смотрят — слишком спешат.

Надо было удрать ночью, а не ждать идеального момента. Идеальных не бывает. Пули и гранаты — жесто-

кая попытка Волков усмирить бунт, их гипертрофированные меры безопасности. Я упустила свой шанс.

Или нет?

У причала по-прежнему безучастно покачивается зеленая лодка. Охраны не осталось.

Я сдвигаюсь, готовая рвануть вперед... но несчастная чайка опускается на песок — не в том месте. Оглушительный взрыв заставляет меня оцепенеть от ужаса. Отпечатки шагов патрульных заволакивает дым, в котором кружатся птичьи перья. И эта плотная завеса лишает меня единственной подсказки. До прошлой недели, до того как Волки погрузили в песок сотни новых мин, я могла бы пробежать к воде хоть с закрытыми глазами. А сейчас — увы.

На дамбу высыпают люди. Пять, десять, пятнадцать человек — с каждым мгновением их становится все больше. Если они отчаялись настолько, что бегут на заминированный берег, то я не хочу знать, от чего они хотят удрать. Подбираюсь к краю настила — под ним есть пустое пространство. Здесь жутко тесно, места едва хватает — мне и дышать тяжело. Впрочем, я хватаю воздух ртом, делаю неглубокие вдохи и выдохи. К взмокшим от пота щеке и щеке — да и ко всему правому боку — липнет песок. Он везде — забивается в нос, в рот, под веки. Однако я продолжаю дышать. Я никогда не ощущала себя настолько живой, хотя я настолько близка к смерти.

Но от гвалта не скроешься — от истошных криков людей, бегущих к собственной гибели. Топот ног сотрясает настил. Если он не выдержит, меня попросту раздавят.

В мою сторону летит песок из-под ступней первого храбреца. За ним мелькают еще две пары ног. Десять. И еще двадцать.

В воздух взмываются гейзеры песка и ошметки плоти. Вдоль берега — как фейерверки — рвутся мины. Однако ноги прибывают и прибывают: они проносятся мимо столбов дыма, пока — бах! — их не останавливает взрыв.

Ужасное зрелище. Мерзкое, тошнотворное.

В настил надо мной врезается нечто тяжелое. Доски скрипят, низко проседая и упираясь мне в лопатки. Вскоре давление исчезает, и в паре дюймов от моего лица в край настила впиваются длинные смуглые пальцы. Я едва не вскрикиваю, но успеваю прикусить губу.

Резкие выстрелы и треск досок. Я не шевелюсь. И я ничего не чувствую. Интересно, пуля обожжет, как огонь, или сразу повергнет меня в шок? Смуглые пальцы сжимаются сильнее — в тени видно, как белеют костяшки, — и пропадают. Сдвигаюсь, насколько это возможно в такой тесноте, и замечаю рядом со своей головой три круглых отверстия, сквозь которые струится солнечный свет.

Очередной выстрел — и свет сменяется тьмой. На доски падает что-то тяжелое, и с края свешивается обмякшая рука. Она затянута в жесткую, рыжевато-коричневую ткань, которая слилась бы с песком. Если бы не кровь.

Офицер. Похоже, раненый. Его обнаружат, и если я останусь под настилом, то скоро буду вся в его крови, стекающей сквозь щели.

Наверное, я могла бы сбежать. Пройти по следам погибших, наступая на проверенные участки. Добрать-

ся до лодки — если буду действовать с умом. И с должной скоростью. Я могла бы — наконец-то! — добраться до Убежища.

Я медленно выползаю из укрытия, держась поближе к земле. Враг офицера — мой друг, но это еще не означает, что я в безопасности. Надо вести себя осторожно и тихо. Порыв соленого бриза застает меня врасплох: влажная вспотевшая кожа покрывается мурашками.

— Стой.

Замираю.

— У патрульных — обход, — произносит нетерпеливый и напряженный женский голос. — Они не очень близко, но если ты побежишь, то меня увидят.

Поворачиваю голову — совсем чуть-чуть, чтобы бросить взгляд на говорящую. Хрупкая азиатка — незнакомка — методично опустошает карманы уже мертвого офицера. У нее — длинные смуглые пальцы. Неужели она убила офицера, как Давид — Голиафа?

— Лови!

Азиатка бросает мне шнурок с ключами.

Умно. Получается, она сделала причастной к убийству и меня, иначе зачем ей расставаться с клочком свободы? Я, впрочем, не жалею. Я тоже не планирую задерживаться здесь надолго, так что меня ни в чем не успеют обвинить. Азиатка рассовывает по карманам жетоны офицера, затыкает его пистолет за пояс шорт.

— Я пойду с тобой, — вдруг говорит она.

Пушка заставляет меня нервничать, но, по крайней мере, дуло не направлено на меня.

— Но ты не знаешь, куда я собираюсь.

Она кивком указывает на пляж и тошнотворную мешанину из плоти и костей.

— А куда ж еще?.. И вообще, с меня хватит.

— Ладно.

Я продолжаю сидеть на песке. Смотрю на девчонку и на окровавленного офицера у ее ног. Меня начинает мутить, но я сдерживаюсь. Я должна взять себя в руки.

— Ладно, — повторяю я.

Азиатка переводит взгляд на песок, усыпанный раздробленными костями. Прибой еще далеко — он даже не коснулся потеков крови. Ни девица, ни я не можем вынести это зрелище дольше нескольких секунд.

— Убьют всех: кого-то раньше, кого-то позже. Патрульные скоро вернутся.

— Ясно, — говорю я. — Мы справимся.

— Мы обязаны. Иначе что нам остается?

Она права. Мне ведь не за кем возвращаться. Больше не за кем. Делаю глубокий вдох.

— Тогда я...

— Черт, они на дамбе... нас засекли. Давай!

Я вскакиваю и срываюсь с места. Дым успел рассеяться, правда, еще не полностью. Я не проверяю, бежит ли за мной азиатка. Не обращаю внимания на ошметки людей — вот во что превратились заключенные, с которыми я делила крышу над головой! Я смотрю лишь вперед, бросаясь то вправо, то влево, как делали патрульные, когда хаос только начинался.

Но песок вспарывают пули. Они попадают и в мертвых, и в живых — в тех немногих уцелевших счастливых, которые тоже намерены удраить. Столько выстрелов — я ухитряюсь мельком бросить взгляд — и всего-то двое патрульных! Уклоняюсь и продолжаю

бежать, пока не достигаю полосы гладкого, еще нетро-
нутого песка. Застываю как вкопанная — и в меня тот-
час врежется девица с настила. Силы уходят на то, что-
бы не потерять равновесие, не сделать роковой шаг,
который приведет к гибели.

Другие заключенные, не сводя глаз с заветной лод-
ки, пролетают мимо нас. Шквал пуль, взметнувшийся
песок — и в считанные секунды они уже мертвы.

Резко втягиваю воздух, давлюсь дымом и заставляю
себя бежать.

За мной бросается азиатка... и две девчонки. Думаю,
они вовремя притормозили, и поэтому пули их не за-
дели.

Их лица мне знакомы: сегодня, как и вчера, и поза-
вчера, девчонки выглядывали из-за дамбы.

Веду их к цели, так быстро, насколько могу. Лодка
близко. Если поднажмем, то наверняка спасемся. Вновь
гремят выстрелы — теперь стреляет азиатка. Сперва в
офицера, который до сих пор охраняет лодку. Пуля
разрывает его плоть. Брызжет кровь, и офицер падает
замертво. Азиатка переключается на патрульных: они
кинулись за нами вдогонку, когда израсходовали все
патроны.

Девица впечатляюще управляет с огнестрелом,
что, если честно, меня пугает. Она продолжает мето-
дично нажимать на спусковой крючок, хотя пуль в ма-
газине уже нет.

В нас больше не стреляют.

Не преследуют.

Но я бегу дальше. Не могу остановиться. Замини-
рованный пляж — позади. Ныряю в наблюдатель-
ный пункт, где обычно сидят патрульные — сейчас